

*Джейкобу, Элизабет и Коннору,
за вашу поддержку и шутки.
Благодаря вам я каждый день
учусь чему-то новому*

Солнце низко повисло над Пáмлико, раскрасив акварельное небо ярко-оранжевыми всполохами. Будь я туристом, то нащелкала бы миллион снимков в поисках идеальной фотографии для того, чтобы запостить в социальные сети с какой-нибудь пошлой цитаткой о том, как прекрасна жизнь.

Вместо этого я поправила свои наушники и засунула руки поглубже в карманы толстовки. На улице слишком холодно для апреля, и даже местный метеоролог не смог сказать, кто наложил на нас это морозное заклинание. С каждым выдохом возле моего рта появлялось маленькое дымчатое облачко, которое тут же уносил ветер. Я облокотилась на перила парома и попыталась игнорировать холод, пробиравшийся сквозь тонкую ткань моих джинсов.

Раньше мне нравилось любоваться закатом над Пáмлико — большим заливом, разделявшим мой остров и материковую часть Северной Каролины. Он заставлял меня верить, что на свете нет ничего невозможного.

Теперь я чувствовала только одиночество, горечь и холод.

В этом нет никакого смысла. Океан — не живое существо, и было глупо на него обижаться, но я чувствовала только обиду. Словно он меня предал.

Будь у меня выбор, я бы держалась от него как можно дальше. Но я жила на Окраоке — самом южном из островов Внешних Отмелей. В моем случае избегать океана было так же нелепо, как обещать себе, что в новом году не будешь есть вредную еду и делать зарядку каждый день. Конечно, может, ты и продержишься пару дней, но, в конце концов, снова окажешься на диване, поедая печенье и бездумно пялясь в телевизор.

Над головой раскричались чайки. Я прибавила звук в айпоне, чтобы хрипловатый голос моего любимого певца заглушил грохот мотора и непрерывный рев ветра и волн.

Еще совсем немного.

Я подняла голову и глубоко вдохнула. Музыка в наушниках полностью перекрыла шум океана, но ничто не могло избавить меня от этого резкого, соленого запаха. В этом смысле я не отличалась от других жителей Внешних Отмелей: за-

пах океана пропитал все части моей жизни. Мою одежду, мой дом и абсолютно все воспоминания, как хорошие, так и плохие.

Вибрации паромного двигателя под моими ногами стали медленнее. Мы приближались к берегу.

Я оторвалась от перил и протиснулась между припаркованными машинами, чтобы добраться до своего ярко-красного скутера. Его подарили мне родители еще в те далекие времена, когда у них была дочь, которой они могли гордиться.

Забравшись на сиденье, я потеряла свои замерзшие пальцы. Впереди, между машинами, появился человек. Это был Генри — один из немногих людей в этом мире, которые мне действительно нравились. Он работал на пароме, курсирующем между Окраоком и Хаттерасом, столько, сколько я себя помню.

Его огрубевшее от холодного, просоленного воздуха лицо засветилось от радости.

— Мер. — ветер играл с его седыми волосами, но он, кажется, совсем этого не замечал. — Мой любимый пассажир.

— Спорим, ты говоришь это всем девушкам.

— А вот и нет. Мне просто нравятся люди с вечно сердитым лицом.

Я улыбнулась ему краешком губ.

— Ах, Генри, какой же ты очаровашка. И почему ни одна резвая дамочка из дома престарелых еще не захомотала такого красавца?

— А кто сказал, что этого еще не произошло? — сказал он, весело подмигнув.

— Если у тебя было романтическое свидание, то я хочу услышать подробный рассказ.

— Давай так, — он поежился в своей огромной куртке. — Я все расскажу, если ты назовешь имя парня, с которым встречаешься на Хаттерасе.

Воу. В один момент мое любопытство обернулось против меня. Я тяжело сглотнула и отвела взгляд.

— Нет никакого парня. Просто скучная работа в галерее игровых автоматов.

— Ну да, как же. Ты поднялась на паром с таким смущенным и мечтательным выражением лица, — он закатил глаза и обиженно посмотрел на меня. — Никогда не видел, чтобы игра в пинбол оказывала на кого-то такое воздействие.

— Тот факт, что ты считаешь, будто в игровых галереях все еще стоят автоматы с пинболом, только подчеркивают твой возраст. И я не выглядела «смущенной» и «мечтательной», — я прищурилась. — Ни разу за всю свою жизнь.

— А я уверен, что выглядела.

— В следующий раз, когда пойдешь в больницу, не забудь проверить зрение.

— С моим зрением все в порядке.

Генри облокотился на грузовой автомобиль, и его лицо стало серьезным. Он прищурился, отворачиваясь от лучей заходящего солнца.

— Я просто надеюсь, что этот парень, кем бы он ни был, достоин тебя. Подо всем этим... — он помахал рукой в сторону моих рваных джинсов, черного худи и фиолетовых пряжей, смешанных с моими натуральными, темными волосами, — скрывается хорошая девочка. Тебе нужен парень с большим сердцем и острым умом, который сможет бросить тебе вызов.

Я фыркнула.

— Даже если бы такой парень существовал, я была бы его недостойна.

Я произнесла эти слова, не подумав. Они были правдивыми, но прозвучали с такой злостью и отчаянием, что в воздухе повисла неловкая тишина.

Проклятье.

Генри уставился на меня. Его глаза тонули в глубоких морщинах, но я все еще могла различить в них смесь грусти и жалости. В последние несколько месяцев я видела такие взгляды слишком часто. Мои руки сжались в кулаки, и я медленно выдохнула. Как бы я хотела, чтобы никогда больше никто не смотрел на меня вот так.

Генри выпрямился: весь его вид говорил о том, как ему неловко. Мужчины с Внешних Отмелей не привыкли открыто выражать свои чувства.

— Мер, ты же скажешь мне, если тебе вдруг понадобится помощь, правда?

— Я в порядке, — соврала я. — Все просто замечательно.

— Что ж, это хорошо, — сказал он, потерев щеку. — С минуты на минуту причалим к Хаттерасу. Полагаю, я еще встречу тебя сегодня?

— Да. Увидимся позже.

Я надела шлем и завела мотор скутера, стараясь избегать вопросительного взгляда Генри.

Я нетерпеливо постукивала каблуком в ожидании того момента, когда паром, наконец, причалит к берегу. Через несколько минут Генри подал мне сигнал, и я съехала с трапа, промчавшись мимо Хаттерасского терминала. В отличие от острова Окракок, на этой пристани были магазины и кафе, между которыми обычно сновали люди, но в тот день вокруг было пустынно. Должно быть, все решили не высовывать носа из своих домов в такой-то холод.

Я разогнала скутер до максимальной скорости, и от морозного вечернего воздуха у меня застелились глаза. К тому времени, как я добралась до узкой дороги, ведущей на небольшой пляж, наступила ночь. Небо растянулось от горизонта до горизонта, оттеняя своей непроглядной чернотой сияющие созвездия. Многие из них я знала наизусть: *Кассиопея, Лебедь, Орион, Большая Медведица, Малая Медведица*. Определять созвездия меня научил отец. Теплыми летними вечерами мы плавали на досках для виндсерфинга, и он рассказывал мне о местах, в которых побывал до того, как встретил мою маму. А я рассказывала ему о том, что хочу увидеть и сделать,

когда вырасту. Мой отец оптимистично верил в то, что мы снова можем стать такими, какими были в те времена, но я понимала, что это невозможно.

Я припарковалась в конце дороги и слезла со скутера, забросив рюкзак на одно плечо. Он ждал меня на краю дюны, заслонял собой ночное небо.

Бен.

Рюкзак соскользнул с моего плеча. Я бросилась к нему, чуть не сбив с ног. Он обвинил меня руками, не позволяя упасть. Я прижалась лицом к его фланелевой куртке и жадно вдохнула знакомый запах: теплый, солоноватый и такой родной.

— Опаздываешь. Я уж думал, ты не придешь, — сказал он своим низким голосом.

У меня сжалось сердце, и я отклонилась назад, все еще держась за него руками.

— Я же обещала, ты что, забыл?

Он не ответил, а выражение его лица было скрыто от меня ночными тенями. Я притянула его за голову, и мы соприкоснулись лбами.

— Ты мне не поверил?

Его плечи напряглись. Если он не поверил моему обещанию, то это моя вина. Однажды я уже соврала ему. Такая ложь не забывается. Я до сих пор не понимала, как он нашел в себе силы простить меня и дать мне второй шанс.

— Я тебе доверяю, ты и сама это знаешь, — сказал Бен, и я почувствовала его дыхание на своем лице. — Иначе я не ждал бы тебя на этом

холодном пляже каждый вечер. И все-таки я волнуясь, когда ты опаздываешь.

— Прости.

Я всегда была пунктуальной, но в последнее время почему-то никуда не успевала, как бы ни старалась. Мои пальцы сомкнулись на воротнике его куртки.

— Я бы не стала тебя винить, если бы ты ушел. Но ты всегда дожидаясь.

— Это только потому, что мне больше нечем заняться, — его холодные губы коснулись моего лба, и я подняла голову, всматриваясь в его лицо. У его глаз собрались смеющиеся морщинки. — Или, может, потому что ты мне нравишься... немного.

— Эй, — я шутливо ударила его в грудь, а затем притянула к себе, прижавшись к нему бедрами и запустив пальцы в темные волосы. — Немного?

— Ладно, на самом деле, очень сильно, — усмехнулся он, расстегивая свою фланелевую куртку и оборачивая ее вокруг нас обоих. — Я люблю тебя, Мер.

Эти слова согрели меня гораздо быстрее, чем теплая подкладка его куртки. Они держали меня на плаву, как спасательный круг, освещая самые темные и холодные уголки моей души, которые я так старательно прятала от него.

— И я тебя, — прошептала я.

Мои чувства к нему невозможно было выразить словами. Люди этого не понимали. Мне было

всего семнадцать, а Бену восемнадцать, и все были уверены, будто мы не понимаем, что такое настоящая любовь. Мы могли чувствовать любовь к родственникам и друзьям, но любовь в романтическом смысле почему-то всегда предназначалась только для взрослых. Видимо, для того, чтобы осознать настоящую любовь, сперва мы должны были получить официальное право голосовать и пить алкоголь. Но с нами все было иначе. Мы с Беном всегда были не похожи на остальных.

Я прошлась губами по его шее, а затем по подбородку, поднимаясь все выше. Когда я дошла до уголка его рта, он вздохнул и поцеловал меня. Я закрыла глаза, принимая тепло его губ и доказательство любви. Поцелуй был сладким и знакомым. Я чувствовала себя так, словно меня накрыли уютным пледом в холодную ночь. Удивительно, но одного поцелуя было достаточно, чтобы рассеять мои сомнения и расставить все на свои места.

Мы оторвались друг от друга, и я прижалась лицом к его шее, позволяя надежной фигуре закрывать меня от ветра, налетающего с океана.

Он поймал мои руки и положил к себе на грудь.

— Ты замерзла. Где твои перчатки? Почему ты не надела куртку?

Я еще плотнее прижалась к нему.

— Это дело принципа. Почему я должна тепло одеваться, когда на улице уже апрель?